

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-2-19-33

УДК 297.1(=411.21): 338.48

Содержание статьи

Информация о статье

Д.А. Гусенова¹

Введение
Опыт развития туристической отрасли в ОАЭ
Политико-правовой аспект развития туризма в ОАЭ
Влияние миграции и внутренней политики ОАЭ на развитие туризма
Заключение

Поступила в редакцию: 16.04.2023
Передана на рецензию: 20.04.2023
Получена рецензия: 06.05.2023
Принята в номер: 29.06.2023

Основные факторы развития туризма в ОАЭ

Дагестанский государственный университет; gusenowa03111978@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются практические шаги государственных институтов ОАЭ по всестороннему поощрению развития в стране туризма при соблюдении компромисса между вынужденной либерализацией некоторых сфер жизнедеятельности общества под давлением внешних и внутренних обстоятельств и сохранением исламских канонов в качестве доминанты в идеологическом и социокультурном поле. Развитие туристического сектора экономики в ОАЭ стало возможным благодаря достижению баланса между общемировыми тенденциями и сохранением в обществе консервативного уклада, основанного на принципах исламской этики. Это проявляется в корпоративной культуре – добровольной корпоративной социальной ответственности, и жёсткой миграционной политике, известной как «кафала», компонент производственных отношений работодателя (подрядчика) и работника-мигранта. Снижение потенциальной социокультурной напряжённости из-за наплыва туристов из инокультурной среды достигается государством не только за счёт реализации различных госпрограмм, направленных на поддержание исламских канонов в социально-экономической и духовной сферах страны, но и обеспечением широкой осведомлённости въезжающих о наличии большого количества запретов и ограничений. Автор приходит к выводу, что исламский фактор при национально ориентированной внутренней политике может способствовать успешному развитию туристической сферы, как это произошло в ОАЭ.

Ключевые слова: ОАЭ, ислам, туризм, исламский фактор в туризме.

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-2-19-33

UDC 297.1(=411.21): 338.48

Content of the article

Information about the article

D.A. Gusenova²

Introduction.
Experience in the development of tourism industry in the UAE.

Received: 16.04.2023
Submitted for review: 16.04.2023
Review received: 06.05.2023
Accepted for publication: 29.06.2023

¹ *Джамия Адамкадиевна Гусенова* – доцент кафедры философии и социально-политических наук ДГУ, кандидат философских наук; orcid.org/0000-0002-9045-254X.

² *Djamiya Adamkadiyeva Gusenova* – Cand. Sc. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences of Dagestan State University, orcid.org/0000-0002-9045-254X.

Political and legal aspect of tourism development in the UAE.
The impact of migration and UAE domestic policies on Tourism Development.
Conclusion.

Key Tourism Development Factors in the UAE

Dagestan State University; gusenowa03111978@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the practical steps of UAE state institutions to encourage the development of tourism in the country, while observing a compromise between the forced liberalization of certain spheres of social life under the pressure of external and internal circumstances, and the preservation of Islamic canons as a dominant in the ideological and practical field. It is noted that the development of the tourist sector in UAE economy became possible due to the achievement of a balance between global trends and preserving a conservative way of life in the society based on the principles of Islamic ethics. The latter reveals itself in the corporate culture – voluntary corporate social responsibility, and a strict migration policy, known as *kafala*, which is a component of the industrial relations between the employer (contractor) and the migrant worker. The reduction of potential socio-cultural tensions as a result of the influx of tourists from a foreign cultural environment is achieved by the state not only through the implementation of various state programmes aimed at maintaining Islamic canons in the socio-economic and spiritual spheres of the country, but also through the achievement of broad awareness of those entering the country of the presence of a wide range of prohibitions and restrictions. The author concludes that the Islamic factor combined with a nationally oriented domestic policy can lead to impressive results in travel activities, as has been achieved in the UAE.

Keywords: UAE, Islam, tourism, Islamic factor in tourism.

Введение

На сегодняшний день туризм не только является одной из важнейших отраслей мировой экономики, но и ключевым фактором, повлиявшим на качество жизни населения принимающей стороны, его социальную структуру и духовно-практическую составляющую. Последнее наиболее явственно прослеживается в самых консервативных регионах мира, в том числе в странах арабского Востока, где религиозная (исламская) составляющая в социуме является преобладающей с точки зрения социокультурных установок. Несмотря на консервативный уклад жизни, правительства в мусульманских государствах для диверсификации национальных экономик делают все более уверенные шаги в сторону либерализации правил пребывания на своей территории для иностранных туристов и внешних инвестиций, отказываясь от религиозно мотивированного изоляционизма. Одновременно происходят внутренние социокультурные сдвиги, коренным образом трансформирующие идеологию и культурную практику в этих странах. Здесь можно привести в пример период прихода к власти «Братьев-мусульман» в Египте, которые ради сохранения интереса к стране со стороны туристов не стали полностью запрещать алкоголь. Или же «значительные усилия правительства ОАЭ по продвижению женщин на руководящие должности» [21, с. 20], государственная и институциональная поддержка в их стремлении разрушить и изменить общественное восприятие арабских женщин, которые хотят продолжить карьеру, несмотря на существующие в обществе стереотипы, которые влияют на их карьерную траекторию. Благоприятствует развитию туризма в регионе и удивительная устойчивость политической (монархической)

системы, её легитимность, продемонстрированные всему миру во время «Арабского пробуждения» и вызвавшие неподдельный интерес у исследователей [6, с. 156].

Поскольку в последние годы наилучшую динамику в развитии туристического сектора экономики среди мусульманских государств демонстрируют ОАЭ, сумевшие достичь внутреннего баланса между практикой «открытых дверей» для туристов из различных уголков мира и сохранением, а кое-где трансформацией внутреннего уклада жизни, становится актуальным исследование внутренней политики данного государства в этом направлении.

Значимость для страны ислама определяется конституционным положением – статьёй 7 Конституции, которая квалифицирует ислам как официальную государственную религию, а шариат объявлен в стране основой законодательства [8, с. 209]. О том, что существует тесная увязка государственного устройства и религии, наглядно свидетельствуют даже формулировки официальных СМИ, которые, в большинстве своём являясь государственными, используют на своих страницах в отношении двух основных правителей (монархов) в стране³ – президента страны Халифы бен Заида Аль Нахайяна и премьер-министра Мухаммеда бен Рашида Аль Мактума – особые религиозные формулировки для каждого из них: эмир Абу-Даби практически повсеместно в прессе ОАЭ употребляется со словоформой *ḥafīzahu-llah* «да хранит его Аллах». «При наименовании же эмира Дубая бытует оборот *ra ‘āhu-llah* «да защитит его Аллах», который, возможно, является производным от *ḥafīzahullah wa ra ‘āhu* «да хранит и защитит его Аллах» [2, с. 31–32]. Такие формулировки в СМИ не применяются к другим государственным лицам ОАЭ, в т. ч. и наследным принцам Абу-Даби и Дубая, что свидетельствует о «закреплённости за определённым государственным деятелем особого оборота с религиозным подтекстом, который ...воспринимается как практически обязательный атрибут при назывании данного лица» [2, с. 32]. Через подобные формулировки правящие режимы, по сути, легитимируют собственную власть, придавая ей элемент сакральности, религиозной составляющей. Такая государственность немислима вне существования договора между крупными социальными группами, или, как в случае с ОАЭ, межплеменными союзами, созданными «вокруг правящих семей, взаимодействующих с союзными кланами, семьями и социальными группами» [6, с. 159].

Опыт развития туристической отрасли в ОАЭ

На сегодняшний день Объединённые Арабские Эмираты не только опережают в развитии туристической отрасли другие мусульманские государства, но и находятся в числе международных лидеров о чём свидетельствуют данные Всемирной туристской организации (UNWTO) [16]. В таблице⁴ приводятся данные с 1995 по 2020 год, исключая период с 2006 по 2013 год. На графике видно, что лидирующие позиции среди регионов, жители которых отдали предпочтение отдыху в ОАЭ, занимают Европа и Ближний Восток. В первом случае речь идет преимущественно о люксовом сегменте, во втором – об отдыхе в мусульманском соседнем государстве. Всемирная туристская организация

³ Объединённые Арабские Эмираты представляют собой уникальную систему государственного устройства, сочетающую в себе одновременно и республиканский, и монархический строй. Это федеративное образование, состоящее из семи эмиратов – абсолютных монархий, возглавляемое эмиром Абу-Даби, а правительство – эмиром Дубая.

⁴ <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwebunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com%2Fs3fs-public%2F2021-08%2Funwto-inbound-arrivals-by-region-data.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK>

не представила данные за 2006–2013 годы, что может быть связано с глобальными процессами, происходившими в этот период: мировой финансовый кризис 2008 года и активизацией деятельности ИГИЛ (запрещённая в РФ организация) в соседнем государстве.

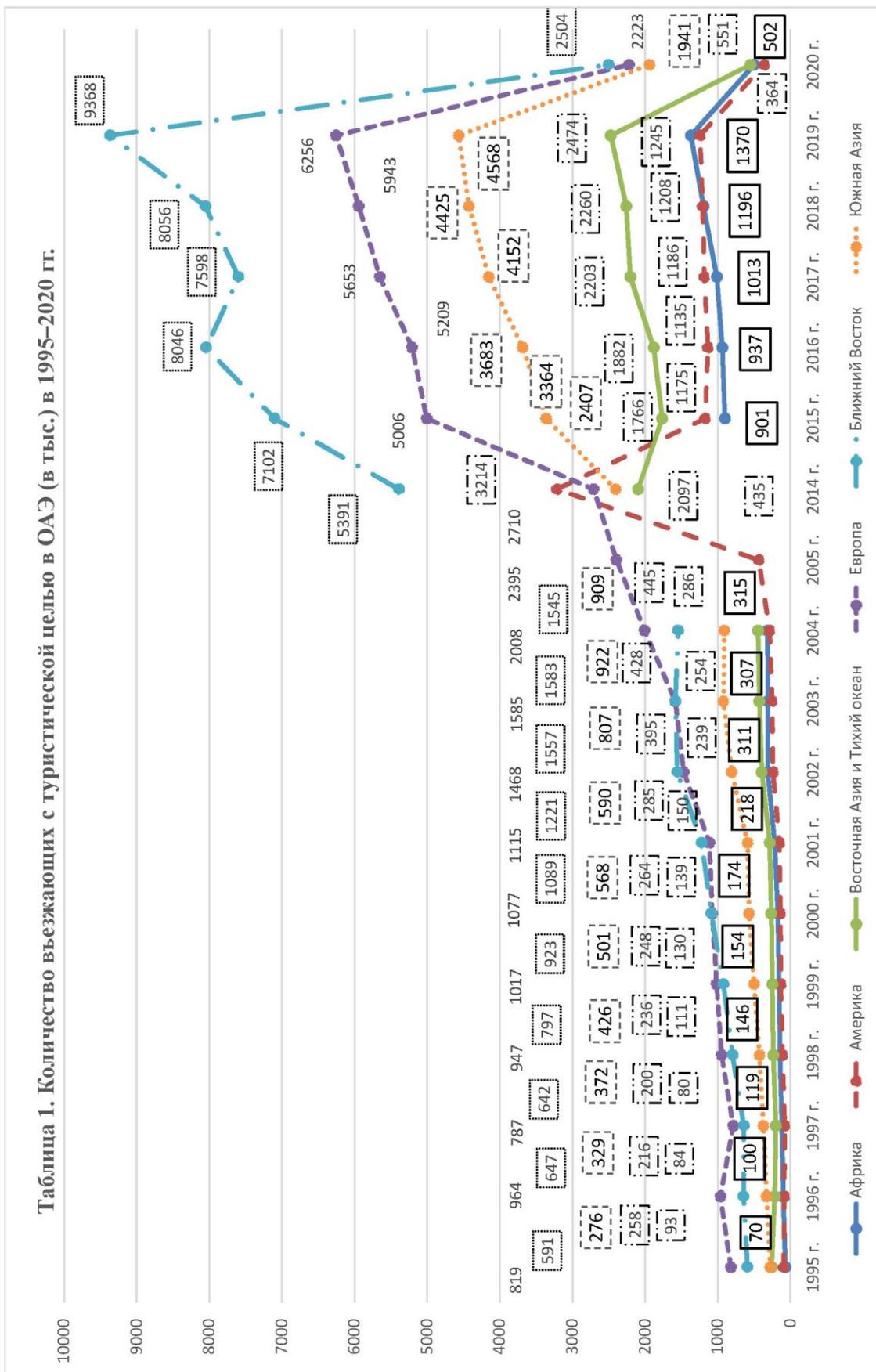
Представленные статистические данные позволяют нам убедиться в том, что развитие туристического сектора экономики в ОАЭ имеет устойчивый характер. Следует определить факторы, которые способствовали развитию туризма в регионе. Из внешних факторов назовём природно-географический и геополитический, из внутренних – религиозный (исламский). Последний для нас представляет особый исследовательский интерес.

Природно-географический фактор актуализировался благодаря распространившейся во всём мире либерализации общественных нравов, сделавшей возможным и популярным пляжный отдых как наиболее доступный для среднего класса вид досуга. Сами княжества имеют широкий доступ к пляжам, которые расположены в восточной части Аравийского полуострова и омываются водами Персидского и Оманского заливов, соединяемых через Аравийское море с Индийским океаном. ОАЭ граничат с королевством Саудовская Аравия, Катаром и Оманом. Климат здесь субтропический и температура колеблется от +10 до +48 °С, поэтому купальный сезон длится долго.

Геополитический фактор напрямую увязывается с географическим местоположением ОАЭ. С XVII в. княжества ОАЭ попадают в зависимость от европейцев – вначале от португальцев и голландцев, а затем в XIX в. от англичан, вплоть до провозглашения в 1971 г. независимого федеративного государства.

Вначале в ОАЭ вошли шесть княжеств: Абу-Даби (столица), Шарджа, Умм-эль-Кувейн, Дубай, Фуджейра, Аджман, а затем в 1972 году и Рас-эль-Хайма. В последующем Эмираты становятся соучредителем субрегионального объединения шести арабских стран-соседей (КСА, Кувейта, Катара, Омана, Бахрейна и ОАЭ) – Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), процесс создания которого был начат в 1981 г. При этом ОАЭ наряду с другими странами Персидского залива по-прежнему сохраняют «высокую зависимость развития туризма ...от геополитической ситуации» [12, с. 58].

Важной вехой для развития туризма в ОАЭ стало «создание в 1989 г. Организации Совета по развитию торговли и туризма Дубая (ОСКТД)», что продемонстрировало «неуклонное намерение властей заниматься развитием туризма» [1, с. 78]. Для подготовки стратегии устойчивого развития туристического сегмента экономики, его популяризации, а также для организации отраслевого партнерства были привлечены иностранные специалисты. Так, в 1994 году здесь прошла первая туристическая выставка – Arabian Travel Market, а в 1996 году состоялся первый Дубайский торговый фестиваль, собравший тысячи гостей. В 1999 году был построен первый в мире семизвёздочный отель – Арабская башня «Парус», что явилось, по мнению В.А. Кораблёва [3, с. 156], прологом к международному признанию Дубая и в целом ОАЭ лидером на рынке туризма.

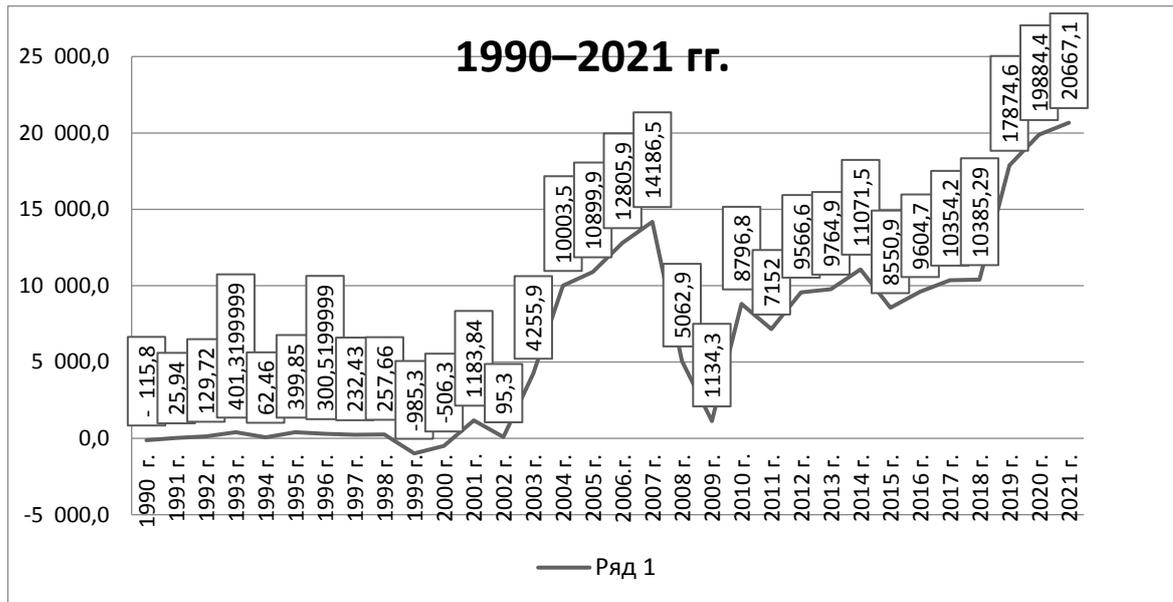


Именно инфраструктурные решения и мегапроекты стали главными причинами развития туризма в ОАЭ. В качестве примеров можно привести создание искусственных Пальмовых островов (2008 г.), добавивших Дубаю 520 км пляжей, возведение в 2010 г. самого высокого сооружения в мире – «Башни халифа» высотой 828 м, строительство в 2012 году самого большого в мире рукотворного архипелага, состоящего из 300 островов и напоминающего карту мира. В Дубае находится и «крупнейший на Ближнем Востоке торгово-развлекательный центр Mall of the Emirates с 400 магазинами, кинотеатром на 14 залов, гостиницей, горнолыжным комплексом вместимостью 1500 человек и множеством ресторанов и кафе» [3, с. 156]. В 2015 г. открылся туристско-развлекательный комплекс Dubai Bayland, состоящий из тематических парков в виде отелей, элитных жилых комплексов, спортивных сооружений (в т. ч. 5 гольф-клубов и автодром) и способный принимать до 2,5 млн чел. в год. Стоит упомянуть и строительство экологичного города Масдар, который, по замыслу архитекторов, будет потреблять на 75 % меньше энергии, чем обычные города.

Все это и многое другое, изменившее местный ландшафт, стало возможным благодаря серьёзным внешним и внутренним инвестициям. Ещё в 1990-х годах в регионе была проведена реформа по либерализации инвестиционной сферы на институциональном уровне. Например, в 1995 г. была открыта фондовая биржа, а в 2004 г. начал свою работу Дубайский международный финансовый центр для «привлечения иностранного капитала, в т. ч. с целью диверсификации и модернизации национальных экономик» [11, с. 39].

Что касается законодательной базы, то, как отмечает Л.В. Шкваря, в ОАЭ «нет специального закона об иностранных инвестициях» [11, с. 39]. Эта сфера регулируется, во-первых, законом № 8 от 1984 г. о коммерческих компаниях (последнее изменение от 7 июля 2009 г.), во-вторых – законом № 1 от 1979 г., регулирующим деятельность промышленных предприятий в ОАЭ, в-третьих – законом № 16 от 1975 г. «О тендерах для государственных нужд». В совокупности эти и другие законы направлены на привлечение иностранных инвестиций, обеспеченных льготным кредитованием через Emirates Industrial Bank. Иностранные компании обязаны сохранять долю местных производителей, в том числе по углеводородной номенклатуре, не менее 25 % от капитала компании, за исключением свободной экономической зоны (СЭЗ) ОАЭ, где допускается 100%-ная доля в капитале иностранного инвестора. Но товары, поступающие в ОАЭ из этих СЭЗ, имеют статус импортных. С 2009 г. законодательно был отменен минимальный размер капитала, необходимого для открытия бизнеса. О том, насколько проводимая инвестиционная политика оказалась эффективной, можно судить по приведённым ниже данным по притоку капиталов (табл. 2) за 30-летний период.

Таблица 2. Показатели динамики притока инвестиций в ОАЭ в 1990–2021 гг. [24]



Показатели за период с 1990 по 2021 год позволяют сделать вывод, что в 2002–2007 гг., 2011–2014 гг. и 2018–2021 гг. отмечен непрерывный рост внешних инвестиций в страну, и соответственно деловой климат в ОАЭ улучшался. За этот период произошло увеличение иностранных инвестиций фактически в десятки раз. Исключение составляет 2008 год – год мирового банковского кризиса и повсеместного оттока капитала. Кризисным оказался и 2015 год, когда активизировалась деятельность ИГИЛ⁵ (запрещённая в РФ организация).

Хороший инвестиционный климат немыслим без соответствующего банковского сектора экономики. В ОАЭ с 1975 года начал функционировать первый в истории частный банк, работающий по исламским канонам – Исламский банк Дубая, заложивший основу нынешней смешанной банковской системы: исламской и обычной (светской) [18, с. 670]. После создания организации Совета сотрудничества стран Персидского залива произошло расширение банковского сектора в Эмиратах, в том числе за счёт появления в обычных банках так называемых «исламских окон», предлагающих исламские банковские продукты и услуги. К 2017 году в ОАЭ насчитывалось 23 банка, 8 из которых были исламскими. При этом «к концу 1 квартала 2017 года общее количество активов всех банков, работающих в ОАЭ, достигло 2 648,3 млрд дирхамов, из которых 520 млрд дирхамов приходится на исламские (19,6 %)» [18, с. 669]. Значительный перевес сектора обычных банков над исламскими едва ли можно увязывать с уровнем их востребованности, скорее это объясняется структурой населения, 70 % которого составляют мигранты. Сюда же можно добавить и доминирование в регионе известных банковских брендов. Исследование [22] показало, что клиенты исламских банков удовлетворены самим фактом соблюдения этими банками норм шариата, а не качеством обслуживания, которое, по мнению клиентов, оставляло желать лучшего. Эти банки не используют запрещенные в исламе действия и процедуры, такие как «риба» (проценты) и «гарар» (неопределенность).

Развитие финансовой сферы в Объединённых Арабских Эмиратах не является самоцелью, а рассматривается наряду с туристическим сектором в качестве важнейшего инструмента диверсификации экономики.

На международном туристском рынке ОАЭ широко представлены самыми разными направлениями турпродукта: приморский, культурно-познавательный, религиозный и деловой туризм. В качестве «перспективных направлений в регионе рассматриваются спортивный, событийный, медицинский, образовательный и круизный виды туризма, а

⁵ Здесь и далее: запрещённая в РФ организация.

также сафари-туры по пустыням» [7, с. 535]. Сюда можно добавить шопинг, занятия водными лыжами, виндсерфингом, дайвингом, рыбалку, игру в гольф на травяных или песчаных дорожках, наблюдение за птицами, экскурсии в пустыню на верблюдах, катание по дюнам, катание на песчаных лыжах, посещение бедуинских деревень, крепостей и оазисов, соколиную охоту⁶, собачьи бега и многое другое. Сегодня уже мало что напоминает о прошлом, когда жители ОАЭ занимались только рыболовством и добычей жемчуга.

Широкий спектр предоставляемых туристских услуг – от бюджетных туров, до отдыха с высококлассным сервисом – способствовал формированию у туристов образа статусности отдыха в ОАЭ, или по Бурдье – «демонстративного потребления» как процесса социального различия, причём как у мусульман, так и у немусульманской части отдыхающих. Данный феномен стал предметом научного интереса Мари Натали ЛаБланк (LeBlanc Marie Nathalie), которая провела этнографические полевые исследования в период с 2016 по 2019 год в городе Абиджан, Кот-д'Ивуар, и обратила внимание на то, что на примере ОАЭ можно наблюдать своего рода трансформацию туристической деятельности при приобщении к ней так называемых «мусульманских обществ» в арабском мире. В частности, «некоторые социальные динамики, лежащие в основе материальности религии, классовая принадлежность и общие понятия «хорошей религиозности» переплетаются в контексте современных способов утверждения себя как «хорошего мусульманина» [19, с. 745]. То есть выбор места отдыха (в данном случае ОАЭ) стал критерием принадлежности к определенному социальному классу, доказательством «хорошей религиозности» туриста-мусульманина, выбравшего именно мусульманскую страну, в которой он с точки зрения его социального окружения, будет строго придерживаться всех норм и правил, предписанных религией.

Правительство ОАЭ поддерживает туристическую сферу, прилагая массу усилий для привлечения новых отдыхающих и обеспечения их комфортного пребывания в стране. Для этого создается имидж Эмиратов как «региона, безопасного для отдыха». Безопасность отдыхающих обеспечивает так называемая туристическая полиция, специфика работы которой «состоит в том, что непосредственное дежурство сотрудника туристической полиции осуществляется не только в форме, но и в штатском (в гражданской форме одежды). Маршруты патрулирования составлены таким образом, чтобы на каждой точке маршрута каждые 7 минут появлялись патрульные» [9, с. 646]. Это и «либерализация визовых ограничений (в 2001 году), либеральная торговая политика (например, политика “открытого неба”), и ослабление строгих моральных норм поведения, связанных с Дубаем, с дресс-кодом и употреблением алкоголя» [20, с. 11].

Всё это способствовало увеличению турпотока из самых разных уголков мира. При этом отметим, что в ОАЭ ислам суннитского толка (96 % населения) является государственной религией, что не может не сказаться на проводимой внутри княжеств религиозной политике и складывающейся межрелигиозной ситуации.

Политико-правовой аспект развития туризма в ОАЭ

Реальные шаги, которые предпринимали государственные институты, и широкая пропаганда среди местного населения через различные госпрограммы, в т. ч. по программе социальной поддержки населения по нормам и канонам ислама, были направлены на

⁶ Эмираты знамениты своей развитой системой организации соколиной охоты, которая способствовала росту трансграничного потока нелегально отловленных птиц, несмотря на угрозу их исчезновения. Для восстановления популяции и возвращения птиц в дикую природу в 1999 г. здесь был открыт первый соколиный госпиталь как филиал Агентства окружающей среды в Абу-Даби, ставший самым крупным в мире.

поддержание ислама и его принципов на всей территории страны. В этом исламский прагматизм был «доведен до искусства» [17, с. 25]. Так, 2017 год в ОАЭ был объявлен «Годом подаяния», и все средства были направлены на развитие и поддержку корпоративной социальной ответственности (далее – КСО), догматически широко поддерживаемой исламом: были разработаны мероприятия, призванные «распространять культуру подаяния по всей стране» [5, с. 43].

В продолжение реализации программы в 2018 г. было учреждено новое министерство, в обязанности которого входило сотрудничество с компаниями и экономическими отделами различных организаций, чтобы привнести принципы КСО в законодательство. На некоторых предприятиях были даже созданы специализированные отделы по КСО. В результате к концу 2018 г. «КСО стало обязательным элементом деятельности 400 000 компаний по всей стране, которые выделили на благотворительность не менее 500 млн дирхамов в денежной или натуральной форме» [5, с. 43]. Как отмечает В.А. Привалова, «правительство ОАЭ невероятно жестко отслеживает вовлеченность компаний в КСО деятельность из-за религиозных соображений» [5, с. 44]. Для стимулирования социальной ответственности компаний правительство ведёт специальный рейтинг таких предприятий, а для лидеров рейтинга учреждена награда, присуждаемая специальным Институтом КСО в Дубае (ОАЭ). В последующем эти компании не без гордости размещают информацию о занимаемой позиции у себя на веб-странице и соотносят свою благотворительную деятельность с необходимостью следования канонам ислама. В годовых финансовых отчётах предприятий в ОАЭ также присутствует «пункт» КСО.

Причудливое сочетание современных наработок в сфере политического менеджмента и исламских канонов возможно лишь в ситуации соответствующей правовой проекции. Сабина Керимеджик (Sabina Cerimagic), ссылаясь на данные Фонда Карнеги, отмечает, что правовая система ОАЭ не только основана на исламских правовых принципах, но и находится под влиянием британского права, а также египетских правовых традиций, которые в свою очередь основаны на французских. В основном на нее «повлияли англичане, поскольку между ОАЭ и Великобританией были договорные отношения, которые длились около 20 лет» [15, с. 41]. В отличие от таких исламских государств, как Иран и КСА, которые продолжают опираться исключительно на нормы шариата, ОАЭ пошла на реформы в правовой системе, введя в судебные разбирательства практику работы светских судов и религиозное судопроизводство, структурировав все компоненты в единую трёхуровневую систему: Федеральный верховный суд; Суды первой инстанции; Апелляционные суды. Первые два в Эмиратах замыкаются шариатскими судами.

Работа судов первой инстанции заключается в рассмотрении уголовных, коммерческих, гражданских и личных споров. В этих судах председательствуют шариатские судьи эмирата. Шариатские суды рассматривают дела о нарушениях религиозного права, моральных преступлениях. В этих судах председательствуют алимы, которые выявляют и интерпретируют принципы, охватываемые преступлением или проступком, предусмотренные Кораном и Сунной; это сильно отличается от светских судов в странах общего и гражданского права. Реализуемые законы существенно отличаются от западных аналогов. При этом проведенные социологические опросы (1800 чел.) [25, с. 213] показали, что религиозный фактор не играет для граждан ОАЭ важной роли во время избирательной кампании, и на передний план избирателями выдвигаются требования к личным характеристикам кандидата (навыки публичных выступлений, политический опыт, возраст, пол и уровень образования и т. д.).

Для обеспечения внутреннего общественного порядка государство ввело большое количество ограничений и запретов для въезжающих, перечень которых широко распространен, переведён на многие языки мира и имеется в открытом доступе в Интернете в различных туристических путеводителях [23]. За нарушение всех этих предписаний предполагается выплата серьёзных штрафов, а в отдельных случаях – уголовное наказание.

В предписаниях для гостей отмечены как рекомендации, так и прямые запреты. В частности, рекомендуется одеваться скромно, запрещается носить одежду с оскорбительными картинками или лозунгами. Не одобряется публичное проявление чувств, ругань и неприличные жесты, запрещается без разрешения фотографировать местных жителей. В месяц Рамадан в общественных местах в светлое время суток запрещается есть, пить (за исключением маленьких детей и беременных женщин) и курить. Для удобства туристов в нескольких торговых центрах в точках быстрого питания было разрешено работать и продавать еду в закрытой зоне фудкорта, но за пределами огороженной территории в часы поста прием пищи и питья строго запрещен и др.

Влияние миграции и внутренней политики ОАЭ на развитие туризма

Следует понимать, что столь существенный экономический рыбок в туризме и остальных секторах экономики невозможен без высокой прибавочной стоимости. Последнее достигается в стране не за счёт разработки наукоёмких технологий (тем более, что образовательного и научного потенциала здесь для этого недостаточно), а за счёт привлечения дешёвой рабочей силы – трудовых мигрантов. Стоит напомнить, что в ОАЭ рабство было отменено лишь в 1963 году. Поэтому недавний опыт обращения с рабами получил продолжение в законодательных инициативах, привязывающих мигрантов к работодателям (т. н. спонсорам) и делающих невозможным смену последнего по инициативе мигранта, что вызывает обеспокоенность со стороны международного сообщества. Эта практика получила название *кафала* и предполагает целую систему контроля за миграцией, принятую в ОАЭ на законодательном уровне еще в 1970 году (the Kafala Sponsorship System). Нельзя утверждать, что кафала была введена именно взамен отменённого рабства, поскольку в самом исламе широко представлен институт номинального представительства (посредничества) интересов некой стороны в публичном пространстве: женщин, детей-сирот и т. д. Институт кафала действует в ОАЭ и в системе усыновления, когда «специально назначенный гражданин (кафил) помогает родителям (или одному из родителей) ребенка, в первую очередь выделяя денежные средства на содержание ребенка. Кроме регулярных финансовых пособий проект предполагает также неденежные формы поддержки, а также оказание при необходимости различных видов услуг» [10, с. 215–216].

Пока нет оснований полагать, что в скором времени ситуация может измениться, поскольку туристический сектор экономики растёт, подтягивая за собой сферу услуг и строительство, требующие привлечения всё большего количества рабочих-мигрантов. Показательным в этом отношении является проведённый в 2022 г. Чемпионат мира по футболу, который, по мнению З. Бабар и Н. Вора, «усилил и без того высокую зависимость страны от рабочей силы мигрантов, особенно в строительном секторе, который отражает демографическую ситуацию в стране» [14, с. 498]. Получив ещё в 2010 г. право проведения этого масштабного мероприятия, ОАЭ потратили миллиарды долларов на развитие инфраструктуры. Были построены стадионы, отели, в Дохе, столице страны – метрополитен, а также целый новый город Лусаил. Когда масштабное строительство завершилось, международные правозащитные организации зафиксировали «опасные условия труда, отсутствие прав работников и тесноту жилых помещений, с которыми сталкиваются низкооплачиваемые трудящиеся-мигранты... Сами мигранты также начали использовать социальные сети для документирования условий своего труда» [14, с. 498]. Все это создавало определённую нервозность вокруг предстоящего мероприятия: звучали призывы к Катару изменить законодательство и улучшить условия труда, а к международному сообществу – бойкотировать Чемпионат мира.

Кафала выступает своего рода рычагом воздействия на мигранта, юридически привязывая его к определённой работе и работодателю, который выступает в качестве его

визового спонсора, которого вплоть до 2021 года мигранту с низким доходом не разрешалось менять. Эта ситуация провоцировала конфликты между работниками и работодателями. З. Бабар и Н. Вора назвали это «расовым капитализмом», когда расслоение происходило не только по вектору работник-работодатель, но и среди мигрантов, которые делились на высокооплачиваемых и низкооплачиваемых работников, что создавало иерархию внутри мигрантской рабочей среды. При этом «граждане стран Персидского залива почти полностью отсутствуют на низкооплачиваемых должностях, связанных с физическим трудом» [14, с. 500].

В силу сложившихся социально-экономических отношений национальность мигрантов становится фактором, определяющим сферу занятости в экономике ОАЭ, что увязывается отдельными исследователями с «более длительной историей колониализма и рабства» [14, с. 501] в регионе. И если раньше, в XIX веке подневольный труд выходцев из Южной Азии и Африки требовался для добычи жемчуга и фиников, то с середины XX в. его активное использование связано с ростом спроса на углеводородные ресурсы и развитием сферы услуг. Вокруг мигрантов функционируют многочисленные конторы и субподрядчики по оказанию разного рода услуг: от прохождения медосмотра, биометрического сканирования, найма на работу до переквалификации. Они должны призванные успешно натурализовать и адаптировать въезжающих к новой социальной среде.

В условиях чрезмерно высокой доли иностранной рабочей силы в сравнении с местными гражданами ОАЭ, которые остаются единственными получателями доходов с нефтегазовой ренты, возникает проблема криминализации мигрантской среды, вовлечения приезжих в экстремистские и террористические организации, что может привести дестабилизации ситуации в стране. В этом отношении наибольшую опасность представляют арабы-мигранты, прибывающие из соседних государств, поскольку в виду внешнего (расового) сходства их сложно отличить от местных граждан, и они чаще всего являются носителями панарабистских, левых или националистических идеологий, воспринятых у себя на родине, охваченной протестами и конфликтами. Поэтому, несмотря на то, что арабов-мусульман из мигрантской среды легче социализировать (ввиду общей религиозной и расовой принадлежности), тем не менее, наибольший интерес у работодателей ОАЭ вызывают именно приезжие из Южной и Юго-Восточной Азии, который «частично продиктован экономическими соображениями и прагматизмом, поскольку рабочая сила из Азии была в изобилии, недорогой и ее можно было быстро найти» [14, с. 502]. Для этих целей был внесен ряд законодательных инициатив, изменивших режим пребывания иностранцев в стране и возможность сменить работодателя.

Развитие туризма немислимо без давших им обеспечения всесторонней стабильности в регионе. Ее сложно добиться в ситуации, когда регион становится центром притяжения мигрантов с других макрорегионов. Эта проблема актуальна не только для ОАЭ и других стран Персидского залива, но и для таких центров притяжения, как США, Великобритания и ЕС, в которых правила въезда и правила пребывания на территории страны меняются каждый раз, когда где-либо происходит резонансное происшествие или теракт. Подмечено, что за последние двадцать лет на Западе наблюдается «сближение законов о борьбе с терроризмом, иммиграционного законодательства и гражданских прав» [13, с. 528]. Поэтому и для ОАЭ актуальной является работа соответствующих спецслужб по выявлению религиозных фанатиков, террористов и неблагонадёжных граждан страны. Из наиболее резонансных событий отметим: раскрытие в июне 2013 г. в Абу-Даби подпольной террористической ячейки египтян-мигрантов, сторонников движения «Братья-мусульмане»; в августе 2015 г. в ОАЭ закончилось расследование по делу 41 задержанного (в том числе нескольких эмиратцев), обвинявшихся в принадлежности к «Братьям-мусульманам» и создании террористической организации, связанной с ИГИЛ и готовящих теракты против иностранцев на территории ОАЭ (подробнее см. [4, с. 49]). В августе 2014

г. в ОАЭ был принят закон о борьбе с терроризмом, целью которого было пресечь создание в стране террористических группировок. В частности было ужесточено наказание за создание, руководство или принадлежность к террористической организации, вплоть до смертной казни либо пожизненного заключения.

Заключение

Развитие туристического сектора экономики в ОАЭ стало возможным благодаря комплексу мер по сохранению баланса между глобализационными и модернизационными тенденциями, связанными с развитием туризма и существованием в обществе консервативного уклада, основанного на принципах исламской этики. Последнее обнаруживает себя на примерах корпоративной культуры, воспринявшей через фискальную политику государства практику корпоративной социальной ответственности, а по сути, «джизью», выплачиваемую в современных ОАЭ в «добровольном» порядке многочисленными корпорациями. К этому можно причислить и практику кафала, являющуюся компонентом производственных отношений между местным жителем-работодателем (подрядчиком) и работником. При этом кафала – нечто большее, чем просто формат сотрудничества двух экономических субъектов. Она выступает в качестве универсального института номинального посредничества, поддерживаемого исламом. Всё вышеизложенное наглядно доказывает, что исламский фактор при национально ориентированной внутренней политике может способствовать успешному развитию сферы туризма, как это произошло в ОАЭ.

Литература

1. *Алхаммуд М.Ф.* Государственная политика по развитию индустрии туризма и гостеприимства в арабском мире (на примере ОАЭ) // Научные исследования и разработки. Экономика. 2018. Т. 6, № 6. – С. 77–83.
2. *Блинов А.А.* Религиозные формулы и титулы в странах Персидского залива // Sciences of Europe. 2017. № 20. – С. 26–38.
3. *Кораблев В.А.* Опыт Объединенных Арабских Эмиратов в развитии индустрии туризма // Вестник Университета Туран. 2016. № 1. – С. 155–158.
4. *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Арабские страны залива: поле конфронтации с террором // Религия и общество на Востоке. 2018. Вып. 2. – С. 47–88.
5. *Привалова В.А.* Влияние религии на социальную ответственность в ОАЭ // Управление в России: проблемы и перспективы. 2019. № 4. – С. 43–49.
6. *Сардарова М.А.* Источники легитимности арабских монархий // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). – С. 155–169.
7. *Сороко П.О.* Конкурентные позиции арабских стран на мировом рынке туризма // Беларусь в современном мире (Беларусь у сучасным свеце): материалы XVIII Межд. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та (г. Минск, 30 окт. 2019 г.) / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Шадурский (пред.) и др. – Минск: БГУ, 2019. – С. 534–538.
8. *Сюкияйнен Л.Р.* Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. – С. 205–222.
9. *Ткачук В.Н., Кирсанова Т.А.* Туристическая полиция: зарубежный опыт, современное состояние и перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 4 (46). – С. 644–650.
10. *Тринченко К.О.* Трансграничное усыновление: проблемы признания // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). – С. 213–220.

11. Шкваря Л.В. Иностраннный капитал в странах Персидского залива // Азия и Африка сегодня. 2011. № 2. – С. 39–46.
12. Шмыткова А.В., Чечётенко Ю.С. Влияние геополитической обстановки на развитие туризма на Ближнем Востоке в XXI веке // Крымский научный вестник. 2017. № 2–3 (14–15). – С. 57–65.
13. Babar Z. The “Enemy Within”: Citizenship-Stripping in the Post-Arab Spring GCC // The Middle East Journal. 2017. no. 71 (4). October. – Pp. 525–543.
14. Babar Z., Vora N. The 2022 World Cup and Migrants’ Rights in Qatar: Racialised Labour Hierarchies and the Influence of Racial Capitalism // The Political Quarterly. 2022. Vol. 93, no. 3, July/September. – Pp. 498–507.
15. Cerimagic S. The effects of Islamic law on business practices // Education, Business and Society: Contemporary Middle Eastern Issues. 2010. Vol. 3, no. 1. – Pp. 40–47. – URL: <https://doi.org/10.1108/17537981011022805>
16. Global megatrends ...and their impact on the Middle East’s travel and tourism industry. – URL: <https://www.pwc.com/m1/en/publications/global-megatrends-impact-middle-easttravel-tourism-industry.html> (дата обращения: 02.09.2022).
17. Goodwin J. Price of Honor: Muslim Women Lift the Veil of Silence on the Islamic World. – New York: Plume, 2003. – 368 p.
18. Kaakeh A., Hassan M.K. and Van Hemmen Almazor S.F. Factors affecting customers’ attitude towards Islamic banking in UAE // International Journal of Emerging Markets. 2019. Vol. 14, no. 4. – Pp. 668–688. – URL: <https://doi.org/10.1108/IJOEM-11-2017-0502>
19. LeBlanc M.N. This Year We Will Ski in Dubai: Halal Tourism and Good Religiosity Among Abidjan’s Upper-Class Muslims // Cahiers d’études africaines. 2022. Vol. 248, iss. 4. October. – Pp. 745–770.
20. Marcus L. Stephenson Karl A. Russell David Edgar, (2010), "Islamic hospitality in the UAE: indigenization of products and human capital" // Journal of Islamic Marketing, Vol. 1, iss. 1. – Pp. 9–24. – URL: <http://dx.doi.org/10.1108/17590831011026196>.
21. Miller K., Kyriazi T., Paris C.M. Arab women employment in the UAE: exploring opportunities, motivations and challenges // International Journal of Sustainable Society. 2017. Vol. 9, no. 1. – Pp. 20–40.
22. Sayani H. Customer satisfaction and loyalty in the United Arab Emirates banking industry // International Journal of Bank Marketing. 2015. Vol. 33, no. 3. – Pp. 351–375.
23. The UAE. A Visitor’s Guide. – URL: https://desertadventures.com/wp-content/uploads/2018/07/The_UAE_Visitors_Guide.pdf
24. UNCTAD Prosperity for all. Annex table 01: FDI inflows, by region and economy, 1990–2021. – URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report>
25. Yaghi A., Antwi-Boateng O. Determinants of UAE voters’ preferences for Federal National Council candidates // Digest of Middle East Studies. 2015. Vol. 24, no. 2. – Pp. 213–235.

References

1. Alhammad M.F. State Policy on the Development of Travel and Hospitality Industry in the Arab World (Through the Example of the UAE). *Scientific Research and Development. Economics*. 2018. Vol. 6, no. 6. – Pp. 77–83. (In Russian)
2. Blinov A.A. Religious Formulas and Titles in the Persian Gulf Countries. *Sciences of Europe*. 2017. no. 20–3 (20). – Pp. 26–38. (In Russian)
3. Korablev V.A. The Experience of the United Arab Emirates in the Development of Travel Industry. *Bulletin of the University of Turan*. 2016, no. 1. – Pp. 155–158. (In Russian)
4. Kosach G.G., Melkumyan E.S. Arab Gulf Countries: the Field of Confrontation with Terror. *Religion and Society in the East*. 2018. Iss. 2. – Pp. 47–88. (In Russian)
5. Privalova V.A. The Influence of Religion on Social Responsibility in the UAE. *Governance in Russia: Problems and Prospects*. 2019. No. 4. – Pp. 43–49. (In Russian)

6. Sardarova M.A. Sources of Legitimacy of Arab Monarchies. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*. 2020. No. 3 (25). – Pp. 155–169. (In Russian)
7. Soroko P.O. Competitive Positions of Arab Countries in the World Tourist Market. *Belarus in the Modern World = Belarus at Suchasny Svet: proceedings of the 18th International academic conference dedicated to the 98th anniversary of Belarus State University*, Minsk, October 30. 2019. Belarus State University; editor: V.G. Shadursky (pred.) et al. Minsk. BSU, 2019. – Pp. 534–538. (In Russian)
8. Syukiyainen L.R. The Constitutional Status of Sharia as a Source of Legislation in Arab Countries. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. No. 4. – Pp. 205–222. (In Russian)
9. Tkachuk V.N., Kirsanova T.A. Tourist Police: Foreign Experience, Current State and Development Prospects. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. Vol. 12, no. 4 (46). – Pp. 644–650. (In Russian)
10. Trinchenko K.O. Cross-Border Adoption: Problems of Recognition. *Topical Problems of Russian Law*. 2016. No. 1 (62). – Pp. 213–220. (In Russian)
11. Shkvarya L.V. Foreign Capital in the Persian Gulf Countries. *Asia and Africa Today*. 2011. No. 2. – Pp. 39–46. (In Russian)
12. Shmytkova A.V., Chechetenko Yu.S. The Influence of the Geopolitical Situation on the Development of Tourism in the Middle East in the 21st Century. *Crimean Scientific Bulletin*. 2017. No. 2–3 (14–15). – Pp. 57–65. (In Russian)
13. Babar Z. The “Enemy Within”: Citizenship-Stripping in the Post–Arab Spring GCC. *The Middle East Journal*. 2017. October. No. 71 (4). – Pp. 525–543.
14. Babar Z., Vora N. The 2022 World Cup and Migrants’ Rights in Qatar: Racialised Labour Hierarchies and the Influence of Racial Capitalism. *The Political Quarterly*. 2022. Vol. 93, no. 3, July/September. – Pp. 498–507.
15. Cerimagic, S. The Effects of Islamic Law on Business Practices. *Education, Business and Society: Contemporary Middle Eastern Issues*. 2010. Vol. 3, no. 1. – Pp. 40–47. – URL: <https://doi.org/10.1108/17537981011022805>
16. Kaakeh A., Hassan M.K. and Van Hemmen Almazor S.F. Factors Affecting Customers’ Attitude Towards Islamic Banking in UAE”. *International Journal of Emerging Markets*. 2019. Vol. 14, no. 4. – Pp. 668–688. – URL: <https://doi.org/10.1108/IJOEM-11-2017-0502>
17. *Global Megatrends ...and Their Impact on the Middle East’s Travel and Tourism industry*. – URL: <https://www.pwc.com/m1/en/publications/global-megatrends-impact-middle-easttravel-tourism-industry.html> (reference date: 02.09.2022).
18. Goodwin J. *Price of Honor: Muslim Women Lift the Veil of Silence on the Islamic World*. New York: Plume, 2003. – 368 p.
19. LeBlanc M.N. This Year We Will Ski in Dubai: Halal Tourism and Good Religiosity Among Abidjan’s Upper-Class Muslims. *Cahiers d’études africaines*. 2022. Vol. 248, iss. 4. October. – Pp. 745–770.
20. Marcus L., Stephenson Karl A., Russell David Edgar. Islamic Hospitality in the UAE: Indigenization of Products and Human Capital”. *Journal of Islamic Marketing*. 2010. Vol. 1, iss 1. – Pp. 9–24. – URL: <http://dx.doi.org/10.1108/17590831011026196>
21. Miller K., Kyriazi T., Paris C.M. Arab Women Employment in the UAE: Exploring Opportunities, Motivations and Challenges. *International Journal of Sustainable Society*. 2017. Vol. 9, no. 1. – Pp. 20–40.
22. Sayani, H. Customer Satisfaction and Loyalty in the United Arab Emirates Banking Industry. *International Journal of Bank Marketing*. 2015. Vol. 33, no. 3. – Pp. 351–375.

23. *The UAE. A Visitor's Guide*. – URL: https://desertadventures.com/wp-content/uploads/2018/07/The_UAE_Visitors_Guide.pdf
24. *UNCTAD Prosperity for All. Annex table 01: FDI Inflows, by Region and Economy, 1990–2021*. – URL: <https://unctad.org/topic/investment/world-investment-report>
25. Yaghi A., Antwi- Boateng O. Determinants of UAE Voters' Preferences for Federal National Council Candidates. *Digest of Middle East Studies*. 2015. Vol. 24, no. 2. – Pp. 213–235.